

Девятое место

Рассказ

Я проснулся среди ночи. Поезд едет. Слышен его монотонное тарыхтение: так-тарак, так-тарак... Очень шумно. У нас в метро тоже шумно, разговор с сидящим рядом человеком не получается. Лучше сидеть и молчать. Если кто-нибудь звонит по мобильному телефону, я сразу говорю: «Алло, я еду на метро, здесь такой шум, ничего не слышно. Я перезвоню вам позже».

Я думал, так должно быть. Но, когда ездил в Германию, увидел другую картину: в вагонах шума почти нет. Но эта громадина движется с большой скоростью, ее сопровождают гул и свист. Внутри вагонов же тихо. А поезда у них какие! Локомотив похож на авиалайнер. Кабина машиниста чистая и аккуратная, как кабинет главврача частной больницы. Когда я впервые увидел это, просто обалдел; стоял как вкопанный и смотрел. Заметив меня, машинист смутился: мол, зачем этот чужак так смотрит?

Если смуглый человек в Европе ведет себя чуть-чуть не так, это сразу вызывает подозрения: не террорист ли он? А в Германии надо быть очень осторожным: там процветает исламофобия, ПЕГИДА не унимается. Немецкий машинист тоже подозревал. Заметив это, я сразу понял, что попался. Чтобы рассеять его сомнения, я сказал: «Я впервые вижу такой локомотив. Очень красивый...» Молодой рыжий немец снисходительно улыбнулся. Инцидент был исчерпан, меня не задержали.

В наших вагонах много шума. Поэтому когда я еду на поезде ночью, плохо сплю, а после поездки голова болит. На этот раз тоже так получилось: проснулся среди ночи и не могу заснуть. Я еду в вагоне СВ. В купе нас двое: я и какая-то женщина; молодая – на вид лет тридцати пяти, очень симпатичная. Она спит напротив меня. Я ее не знаю, увидел только вчера вечером. Она стояла у входа вагона. Там были кондуктор и еще несколько человек. Кондуктор взял мой билет, повернул туда-сюда, посмотрел и сказал:

– Девятое. Займите свое место. Отправка будет через пять минут.

Я зашел в вагон. Нашел свое купе и место. Вещи положил под сидение. Сел ближе к окну, раздвинув шторы, посмотрел на перрон. В это время у двери появилась целая толпа; это были те люди, которые толпились у входа вагона. Один из них спросил, куда я еду. «Какое ему дело?» – подумал я недовольно. Но совершенно спокойно сказал, куда еду.

– Она тоже поедет с вами, – сказал тот же человек и показал на одну из двух женщин; это была та, которая спит напротив меня.

Бросив мимолетный взгляд на женщину, я сказал: «Очень хорошо». Вся толпа – человек пять-шесть – стояла у двери. Все смотрели на меня; кто-то с интересом, кто-то с улыбкой на лице. Наконец, пожелав счастливого пути, толпа удалилась. Эта женщина тоже ушла с ними, а вернулась, когда поезд тронулся с места.

Уже стемнело. Я включил свет. Освещение плохое. Наверху, у самого потолка, горит одна малюсенькая лампочка. В слабо освещенном купе напротив меня сидит чужая, совершенно незнакомая женщина. Ехать с такой дамой, конечно, радость. Надо было заводить разговор. Я спросил, куда она едет. Она назвала какое-то село одного из северо-западных районов Азербайджана.

– А вы живете в Баку? – спросил я.

– Да, я живу в Баку. Иногда еду к своим родителям, родственникам. Те, которые меня сопровождали, тоже родственники.

Постепенно набирая скорость, поезд едет. Начался бой между колесами и рельсами. Перестрелка между воюющими сторонами усиливается: так-тарак, так-тарак; так, так, так, тарак-так... А мы в купе спокойно сидим и разговариваем. Иногда она, прервав разговор, встает, высунув голову из-за двери, смотрит в коридор. «Наверно, она кого-то ищет или ждет...» – я про себя говорю. Она опять встала. Но на этот раз просто вышла из купе и пошла в сторону главного входа вагона. А через две-три минуты вернулась. Следом за ней в купе зашла кондуктор (женщина лет пятидесяти), проверила наши билеты, уточнила, кто на какой станции будет выходить, а уходя, спросила:

– Чай пить будете?

Я в поезде чай не пью. Но в купе я не один.

– Вы хотите чаю? – спросил я у моей спутницы.

Нет, она не хочет. «И я не хочу», – как бы извиняясь, сказал я кондуктору. Кондуктор ушел, а мы продолжали наш разговор.

– В нашем селе живут в основном авары. Я сама аварка. Но, как ни странно, многие думают, авары – это лезгины, – сказала женщина. На ее лице появилась улыбка, выражающая иронию и сожаление. – Это неправильно. Авары – тюрки.

Она закончила бывший АЗИ, работает в научно-производственном объединении. Грамотный человек. Я с интересом слушал ее. И надо же, вдруг она опять прервала свой рассказ, опять встала, опять высунула голову из-за двери... Не знаю почему, но на этот раз она сказала, зачем так делает:

– Я кондуктору, вот этой женщине, сказала, чтобы она нашла мне другое место. Вроде обещает. Конечно, не даром: за это ей надо платить десять манатов. Я согласна. Но она почему-то долго тянет.

«Она не хочет ночевать здесь. С кондуктором ведет переговоры, ищет другое место. За это еще платить надо...» – подумал я. Но этот вопрос с ней не обсуждал. И так все ясно: молодая женщина не хочет ночевать в двухместном купе с чужим мужчиной. Потом кому что докажешь? Выключили свет, двери закрыли... Никто не поверит. Пожалуй, она права. Но это ее проблема, и она сама довольно-таки энергично взялась за дело.

Несмотря на щепетильность ситуации, мы все же продолжали нашу дружную беседу. Мы уже два часа едем. Другие пассажиры легли спать. А мы не спим: сидим и разговариваем. «Было

бы лучше, если бы мы до утра вот так сидели и разговаривали», – думал я про себя. Но ей ничего не сказал. Вдруг она опять встала и сказала:

– Уже поздно. Я пойду узнаю, нашла ли она место.

Я не хотел вмешиваться в это дело. Но вдруг, неожиданно даже для себя, сказал:

– А зачем это?.. Не надо. За это еще деньги платить... Зачем? Не надо. Ложитесь и спите здесь. Да...

Она молча смотрела на меня. Я говорил отрывисто. Выражался короткими предложениями, лексикон был ограничен, часто повторял «Не надо. Зачем?». И все-таки с помощью этих «Не надо. Зачем?» я сумел переубедить ее. Она вернулась в купе и села. Мы молча смотрели друг другу в глаза. Мне стало стыдно, я отвел глаза. После небольшой паузы она встала и стала стелить простыню. Я вышел из купе, чтобы она могла свободно работать.

Через десять минут я вернулся в купе. Выключив свет, накрывшись одеялом, она легла спать.

Я проснулся среди ночи. Молодая женщина в двухместном купе лежит спиной ко мне и спит. Сейчас ее зад выглядит больше. Вообще-то когда женщина спит на боку, ее зад кажется больше. Но это всего лишь иллюзия. На самом деле размеры всех частей тела остаются неизменными.

Лежа на боку, я смотрел на женщину, любовался ее красотой. А вдруг она проснется, повернувшись, увидит меня и наверняка скажет: «Зачем не спите? Зачем так смотрите? Но вы же обещали...» Мне стало совестно; повернулся на спину, глаза закрыл.

Хочу отключиться от реальности, все забыть, спать до утра. Не получается. А я не отступаю: глаза закрыл и не открываю. Иногда впадаю в какое-то туманное состояние. Но этот полусон продолжается недолго. Я опять просыпаюсь. Поезд едет и едет... Ночь не кончается.

Интересно, сколько время. Мои наручные часы лежат на раскладном столике. Женщина тоже что-то положила туда. Чтобы достать часы, я должен чуть-чуть привстать, протянуть руку в сторону женщины. Я правша, левой рукой орудую не очень-то умело. С другой стороны, ночь, и в темноте непременно промахнусь, что-нибудь упадет со стола. Женщина проснется.

– Что за шум? Что вы делаете? – встревоженно спросит она. – Ну дайте же спать!

Очень трудно будет уверить ее в том, что у меня никакой черной мысли не было. Но все равно, молчать тоже нельзя, и я скажу:

– Я хотел достать свои часы со стола. В темноте промахнулся, их уронил. Извините за беспокойство.

– Зачем вам часы? Даже без них понятно, что глубокая ночь, люди спят. Если вам не спится, лежите спокойно, дайте людям отдохнуть, – скажет женщина и будет права.

Уже стало рассветать. Я открыл глаза. Повернув голову, посмотрел на женщину. Ее поза изменилась: повернувшись ко мне лицом, она лежит спиной на правом боку. Лицо и шея открыты. Увидев ее в раннем рассвете, я поразился. Какая она красавица! И она ехала всю ночь со мной в двухместном купе, при выключенном свете и закрытых дверях спала рядом со мной. Если не считать то, что было до рассвета... Ведь было же... Вот так это было: я наконец-то перешел границы – залез под одеяло... Как ни странно, она не спала и, обняв

меня, сказала: «Вы долго колебались... Зачем? Не надо было...» Да, так было. Но только мысленно. Если не считать это, я не прикоснулся к ней, даже пальцем не тронул. Только смотрел и любовался. А теперь смотрю и восхищаюсь.

Она красиво спит. Дыхание ровное. Лицо выражает безмятежное спокойствие. Она абсолютно уверена, что никто не будет ее беспокоить: я обещал ей это. Зачем я это сделал? И зачем она довела меня до этого? Не грех ли это?

Такой случайности не бывает. Мне просто повезло. Получилось так, что я ехал ночью в двухместном купе с очень красивой женщиной. Но прежде чем лечь спать, она заколдовала меня и я твердо обещал не беспокоить ее, не приставать к ней. Не надо было... Зачем?

Поезд едет. Колдунья красиво лежит, спокойно спит; ей нет дела до моих сожалений.

Мальчик без имени

Рассказ

– У тебя в роду есть диабетики? – спросила моя дочь, когда училась на третьем курсе мединститута.

– Точно не могу сказать, – немного подумав, сказал я.

Дочка с сожалением пожала плечами. Но в последующие дни она несколько раз повторяла этот вопрос. Я насторожился – наверно, она обнаружила какие-то признаки диабета у меня – и спросил:

– А зачем тебе это?

Выяснилось, что они, будущие врачи, уже проходили сахарный диабет, а дочка в учебнике читала, что эта болезнь передается в основном генетически – по наследству. Теперь она хочет знать, не грозит ли ей опасность с отцовской стороны.

Человек беспокоится, надо помочь. Я начал думать. Вспомнил, от чего умерли мои родители, бабушки и дедушки, их братья и сестры, кого я застал в живых. Подытожив все это, сказал:

– Я на девяносто пять процентов уверяю тебя, что в моем роду диабетиков не было. С другой стороны, я твой отец и мне уже за пятьдесят. А у меня сахара нет. Кстати, ты со своими вопросами меня насторожила, и я уже на работе ходил в медсанчасть, сдал кровь на анализ. Сахар в норме. Болезней у меня достаточно, но, слава Богу, сахарным диабетом не болею.

Дочка поблагодарила за исчерпывающий ответ. Я сам тоже был доволен, чувствовал прилив жизненной энергии. Но спустя несколько лет все изменилось. Это случилось в городке для беженцев, куда я ездил на похороны близкого родственника.

Все мои родственники – беженцы. Большинство из них живут где попало – на окраине какого-то села, в полуразрушенном здании колхозной фермы советских времен... А некоторые живут в городках для беженцев. Там условия жизни относительно лучше. Но в этих городках я чувствую себя неловко и часто говорю себе: «Это же настоящий лабиринт...» Да, действительно, городок для беженцев очень похож на лабиринт: все улицы, дома и их крыши, земельные участки, их планировка и размеры... буквально все, даже туалеты одинаковы. Я очень удивляюсь: при таком однообразии как беженцы ориентируются там?

В античные времена лабиринт использовали и в качестве тюрьмы для особо опасных преступников. Заключенных там не охраняли, потому что при всем желании все равно они не могли бы вырваться на свободу: это было невозможно. Итак, попав в лабиринт, эти несчастные люди оставались там до конца жизни.

Лабиринт – опасное место. Но надо было ездить туда. И я съездил. Там увидел своих односельчан, в том числе и родственников. Муж моей старшей тети тоже там был. По окончании похоронной церемонии этот мужик пригласил меня к себе домой, то есть в свою келью. Безусловно, он не знает моих правил: без серьезных причин в лабиринт нельзя ходить, там нельзя бездельничать и праздно шататься, больше положенного времени задерживаться тоже нельзя. Исходя из этих правил, я сказал:

– Сейчас у меня мало времени. Как-нибудь в другой раз...

Мужик обиделся и, не скрывая своего разочарования, сказал:

– Тетя сколько лет тебя не видит. Она знает, что ты приехал, и хотела тебя видеть. Но она больная, еле ходит. Очень просила меня передать тебе...

Я был тронут. Пришлось посетить их дом – энную келью лабиринта. Вид тети меня очень разочаровал: когда-то цветущая женщина согнулась, стала похожа на букву «г», с костылем еле-еле ходила. Но ей нет семидесяти лет. У нее сахарный диабет в острой форме – а я думал, в моем роду нет диабетиков.

Через год тетя умерла. А спустя некоторое время умер младший дядя; у него тоже был диабет в острой форме. Я встревожился, опять заходил в медсанчасть, сдал кровь на анализ. Результат успокаивал: сахар в норме. Но одно дело лабораторные анализы, а другое дело факты. Я стал долго и тщательно анализировать этот вопрос, как шахматист анализирует отложенную партию.

У моих теток и дядей с материнской стороны есть диабет в острой форме. Они умирают, не дожив до семидесяти лет. Но их мать – моя бабушка – диабетом не болела; дожив до глубокой старости, она умерла от старческой немощи. И у моей матери диабета не было. Те родственники, которые умирают от сахарного диабета, – они от другой ветви – от второго брака моей бабушки – и эту болезнь унаследовали от своих отцов. Анализ «отложенной партии» дал такие результаты. Но в этой партии одна фигура не поддается анализу – это мой старший дядя. По логике, он должен был умереть первым. Но он, будучи старше своих братьев и сестер, проводил их всех на тот свет, а сам продолжает жить; ему больше восьмидесяти лет. Меня это заинтересовало. Старший дядя стал предметом моих дум. Он не поселился в городке для беженцев, живет на окраине какого-то села Бардинского района. При первой возможности я расспрашивал людей, кто его знает и видит. Я хотел узнать, как он там.

– Нормально, – говорили люди. И казалось, вопрос исчерпан. Но я продолжал свой допрос:

– Не болеет?

– Нет, не болеет. Заядлый курильщик, но старик крепкий.

«Почему он не умирает? Диабет косил его братьев и сестер, а он живет себе как ни в чем не бывало, и скоро ему девяносто лет», – говорил я про себя. Одновременно мне стало стыдно от этой мысли: это же некрасиво, даже грех. Но, несмотря на это, вопрос был очень интригующим, и я не мог об этом не думать.

Все же надо ехать к дяде. Вообще-то, почему я до сих пор к нему не поехал? После того как началась оккупация и мои родные стали беженцами, я побывал у всех дядей и теток. Но к старшему дяде ни разу не приехал. Надо исправить эту ошибку. Правда, он угрюм, но человек положительный, провинциальный интеллигент – педагог, преподавал литературу в сельской школе. Пожалуй, надо найти время и поехать к нему. Конечно, будут упреки.

– Сколько лет я скиталец. Смотри, где я живу... А ты ни разу не заходил и не интересовался, как живет твой аксакал дядя... – скажет он.

– Да, вы правы. Но у русских есть поговорка: говорят, лучше поздно, чем никогда. Я тоже, хоть и поздно, хочу исправить свою ошибку, – скажу я. И по-моему, неплохо сказано. А тем временем он уже переменял тему:

– Ну, принесите же чаю. – Дядя окликнет своих. Услышав обнадеживающий ответ, что чай заваривается, он из кармана вытаскивает пачку дешевых сигарет. А на этот раз, обращаясь ко мне, скажет:

– Ты не куришь? Нет? Ты молодец, русские поговорки знаешь и не куришь. А я в день две пачки курю.

– Две пачки! – с удивлением скажу я. – Это очень много.

– Конечно много. Но я привык к этому проклятому яду.

Да, я поеду к дяде. Вопрос уже решен. Но вдруг, совершенно неожиданно пришлось отменить этот план. Я вспомнил... И все это было связано с одним воспоминанием.

Я часто думал о дяде и как-то вспомнил одну очень интересную историю, связанную с ним. Ее рассказывала мне, вернее не только мне одному, а всем своим детям, моя мама. Это было давно, в то время мне было десять лет. Мать рассказывала эту историю очень убедительно, а начиная со слов «я была большой девочкой и все видела своими глазами», словно заколдовывала меня, и мне казалось, что я сам тоже все это видел своими глазами. Но эта история будет непонятной человеку, если он не знает, что было до этого.

Дело в том, что когда родилась моя мама, ее отец погиб в результате несчастного случая. А через год ее мать вышла замуж вторично. Но по требованию нового мужа она не взяла с собой девочку – годовалого ребенка, а оставила ее на попечении своих сестер. Тетя – не мать. А тети этой девочки были не родные, и у каждой из этих двоюродных теток были свои родные дети. При такой обстановке бедной девочке было очень трудно: она все время плакала, хотела свою маму. А ее мама жила в другом месте, и ей было запрещено взять свою дочку к себе, в дом нового мужа. Вопрос был поставлен так жестко, что никто не осмеливался обсуждать его заново и вносить какие-либо изменения.

Между тем у бабушки родились дети от второго брака. Но они умирали, не дожив до трех месяцев. Муж и жена были в тревоге. Несмотря на это, бабушка успела забеременеть уже в четвертый раз. Всем было ясно, что и четвертого ребенка ждет такая же участь. Что делать? Как быть? Недолго думая, муж и жена обратились к гадальщику.

Далеко от нашего села жил известный гадальщик. Они ездили к нему. Бабушка со слезами на глазах рассказывала гадальщику – пожилому и умному мужику, какое у нее горе: четыре года она замужем, родились трое детей, но все они умерли; в семье нет детей.

– Вы говорите, у вас детей нет, – сказал гадальщик. – А я здесь вижу, что у вас есть ребенок.

Я не могу сказать, как гадальщик определил, что у бабушки есть ребенок и, говоря «я здесь вижу», что он имел в виду, в тот момент куда смотрел, что видел. Но он угадал точно. Бабушка покраснела, стала заикаться. А ее муж смущался.

– Чтобы я мог вам помочь, – сказал гадальщик, – вы должны сказать правду.

Бабушка вынуждена была рассказать и о маленькой девочке. Но при этом, говоря «мы решили оставить девочку у моих сестер», часть вины своего мужа она взяла на себя.

– Понятно, – сказал гадалщик. – Несчастье в вашем доме связано с этой девочкой. Вы очень жестоко поступили с ней. Годовалого ребенка оставили на попечении двоюродных теток. Они не уделяют ей должного внимания; скорее всего, никакого внимания не уделяют. Девочке очень трудно, она все время плачет, хочет свою маму. Ее плач дошел до самого Бога, он разозлился и проклял вас. Вы с вашим мужем прокляты и попали в ад; перестарались, поэтому в ад попали не посмертно, а при жизни.

Бабушка горько заплакала. Ее муж, опустив голову, молча сидел. А гадалщик молча смотрел на них и наконец сказал:

– Я вижу, вы беременны. – Бабушка была на шестом месяце беременности, и не заметить это было невозможно. – Но, к сожалению, судьба этого ребенка будет такой же: по вашей вине он тоже проклят...

Бабушка не смогла совладать с собой и стала плакать громко. Ее муж перенервничал.

– Слушай, хватит! – сказал он жене. – Опомнись, мы же в гостях. Стыдно.

Бабушка затихла, стала плакать беззвучно.

– А как нам быть? – после некоторой паузы ее муж спросил у гадалщика.

А гадалщик молча сидел и качал головой, и это означало «я не могу ответить на этот вопрос».

– Очень сложный вопрос, – наконец-то сказал гадалщик. – Для начала мать должна взять девочку к себе. Пусть ребенок живет рядом с матерью и радуется. Вы оба должны быть очень внимательны к ней. Бог всемогущ: все видит, все знает; он непременно заметит и перемену в вашей семье.

Вернувшись домой, мать сразу же девочку взяла к себе; она то и дело обнимала ее, целовала, говорила ласковые слова. Отчим тоже с ней был очень ласков. Какая радость! Девочка перестала плакать, она была счастлива. А через три месяца у ее матери родился четвертый ребенок от второго брака; это был красивый здоровый мальчик. Но жаль, что он умрет через три месяца. Мальчику даже имя не давали. Мать кормила его грудью и плакала. Девочка спрашивала:

– Мама, почему ты плачешь? – Она так говорила и сама тоже плакала. А ее вопрос остался безответным.

В этом доме все покрыто мраком; это не место для человеческого жилья, это ад. К вечеру муж тоже возвращается в ад.

Однажды муж сказал жене:

– Как ты думаешь, может, еще раз съездить к гадалщику?

– Ты так думаешь? – сказала жена.

– А почему нет?

– Да?

– Да...

– Я не против. Но пусть исполнится сороковой день от рождения ребенка. Подождем еще одну неделю, потом поговорим.

Через неделю муж и жена съездили к гадальщику. Очень рано встали, чтобы успеть к вечеру вернуться домой. Девочку и мальчика без имени – зачем ему имя? – взяли с собой.

Гадальщик сразу догадался: родители хотят спасти ребенка. Они знают, что это невозможно, но все равно хотят что-то изменить. Мать умоляет, просит о помощи. Люди в отчаянии. Гадальщик очень хочет им помочь, но это невозможно. Но, как ни странно, гадальщик тоже начал думать: он ломает голову, ищет выход из безвыходного положения.

Уже полдень. Гости и семейство гадальщика сидят за столом. Они пьют чай. И кушать можно; стол накрыт, все есть: сыр, каймак, мед, разные фрукты, соленые огурцы, помидоры, лаваш, тандыр-чурек... Гости голодны, а еда застревает в горле. Девочка взяла кусочек сыра, положила в лаваш, потом откусила – ой, как вкусно! Но как только увидела мрачное лицо матери, аппетит сразу пропал; ей уже не хотелось кушать, она хотела плакать. Несчастные люди превратили в ад и очаг гадальщика. Чтобы успокоить их, трудно найти подходящие слова. Излучая мрак, как демоны, молча сидят муж и жена. Мрак сгущается. В такой обстановке нельзя кушать: еда, как яд, может отравить человека.

Трапеза закончилась. Гости скоро уедут. Пока женщины о чем-то говорят, шушукаются, гадальщик вместе с гостем выходит во двор. Человек живет в достатке. У него есть и небольшой сад, а там такие деревья! На какое-то время забывая все, мужики говорят по-хозяйски.

– Видите, какие яблоки! – сказал гадальщик. – В нашем селе, даже в соседних селах ни у кого таких яблок нет.

Мужики отошли от дома, их голос уже никто не услышит. Но все равно гадальщик говорит шепотом. А гость, затаив дыхание, внимательно слушает.

– О нашем разговоре никто не должен знать, – сказал гадальщик. – Вы все это видели во сне. Вам приснилось, понятно?

– Да, понятно, – сказал гость.

– Так вот, никому ничего не объясняя, молча делайте то, что я вам сказал.

– Хорошо, – сказал гость.

Дальше что было, девочка видела своими глазами. И спустя много лет рассказывала нам – своим детям. Было зимнее время, мы толпились вокруг теплой печи. Вот тогда мать подробно рассказывала об этом. Свой рассказ она начала словами: «Я была большой девочкой и все видела своими глазами» – в то время ей было пять лет.

– Резали скотину. Принесли весы. Ребенка – вот этого, моего младшего брата – положили на одну тарелку весов, а на другую тарелку стали класть мясо скотины до тех пор, пока те не уравнились. Мясо завернули в простыни. Потом несколько человек, плача и рыдая, ходили на кладбище с этим мясом. Завернутое в простыни мясо положили в маленькую могилу и засыпали землей. А потом домой вернулись. В тот же день мальчику дали имя. – Моя мама рассказывала нам то, что сама видела своими глазами.

В результате этого инсценирования смерти малыша мой старший дядя был спасен. Люди отчаялись, не знали, что делать; дошли до того, что стали играть с огнем: обвели вокруг пальца Азраиля – ангела смерти.

После старшего дяди у бабушки родились еще четверо детей от второго брака. Дожив до семидесяти лет, все они умерли от сахарного диабета. Среди них старший дядя стоит особняком. Он человек особый: был зачат в аду, родился в особых условиях и должен был умереть трехмесячным малышом. Но в результате спецоперации был спасен и до сих пор живет, скоро ему девяносто лет. Ни одна болезнь, даже сахарный диабет в острой форме, ему не опасна. Потому что в его «жизненно важных документах» неразбериха. По «документам» он якобы умер в детстве...

Вообще-то, какое мое дело, кому сколько лет, кто чем болеет и кто кого перехитрил? В такие дела нельзя вмешиваться: это очень опасно. И я постараюсь забыть то, что слышал в детстве; об этом не буду даже думать.

Об авторе:

***Рамиз Аббаслы**, азербайджанский писатель, переводчик художественной литературы.*

Родился 1 июля 1948 года в селе Паправенд Агдамского района Азербайджанской Республики. Учился в сельской школе. Очень любил точные науки – математику, физику, химию. Большой интерес проявлял к музыке, рисовал, читал художественную литературу: азербайджанские сказки, дастаны; особенно понравился ему эпос «Кёр-оглы». Учился в Бакинском государственном университете.

Пишет на азербайджанском и русском языках. Художественную литературу переводит с английского, немецкого и русского языков. Автор пяти книг, многочисленных статей и переводов.